

А. Супрун.

Старославянские числительные, Фрунзе, 1961, 108 стр.

Исследование А. Е. Супруна «Старославянские числительные», изданное Киргизским государственным университетом во Фрунзе в 1961 году (107 стр.), представляет собой наиболее обстоятельную из существующих работ по названиям чисел в старославянском языке. Работа состоит из «Предисловия», глав «Лексические особенности числительных» (к этой главе на стр. 31-42 приложена сводка «Слова с корнями числительных», имеющая самостоятельную ценность и вместе с тем выясняющая словообразовательные свойства старославянских числительных), «Морфологические особенности числительных» и Синтаксические особенности числительных». Завершают книгу «Заключительные замечания», подводящие итог исследованию, а также хорошо и экономно составленный раздел «Литература» и «Именной указатель». Книга положительно встречена славистами*.

Обстоятельность, то есть учет и описание всего множества фактов, представленных в старославянских памятниках, сочетается с удачным освещением этих фактов, остроумными интерпретациями отдельных явлений. В качестве примеров можно указать на анализ А. Е. Супруном сочетаний типа *едина суботъ* (стр. 74), сочетаний прилагательных с числительными пять и след., приведших к образованию форм типа «пять хороших тетрадей» и *хорошие* пять тетрадей» (стр. 77), рассмотрение случаев согласования по смыслу (стр. 78 и др.). Подобных примеров из книги А. Е. Супруна можно назвать немало.

Бросается в глаза забота автора о доказательности своих положений: каждая мысль аргументируется с возможной полнотой.

Рецензируемая работа, не привлекая новых данных (их для старославянского языка нет — все сохранившиеся памятники этого языка изданы, а представленные в них языковые факты инвентаризированы), содержит много новых наблюдений и обобщений по числительным. Это прежде всего относится к главе «Синтаксические особенности числительных» (стр. 61-95), где впервые подробно изучены сочетания названий чисел с именами и способы согласования сказуемого с количественным подлежащим в старославянском языке. Свежи и оригинальны также замечания об особенностях семантики старославянских числительных (стр. 7-8, 96-97 и др.), о значении для понимания числительных старославянской цифровой системы (стр. 8-11) и т. д.

Работа является в основном синхроническим описанием старославянских числительных, однако насыщена немалым количеством диахронических «отступлений», которые, хотя они и нарушают чистоту метода, значительно содействуют более углубленному освещению тех или иных фактов. Представляется совершенно оправданным стремление автора выявить в старославянских числительных, с одной стороны, отражение праславянских свойств и особенностей, а с другой — тенденции, получившие дальнейшее развитие в современных славянских языках.

Большинство мыслей книги А. Е. Супруна не вызывает возражений, однако некоторые ее положения кажутся дискуссионными.

Некоторых уточнений требует вопрос об отношении старославянских числительных к грамматической категории числа. Автор уделяет этому вопросу большое внимание (особенно стр. 43-45), отмечая, что в старославянском языке числительные *два* — *девять* не изменялись по числам, а у числительных *десять* и *сто* изменение по числам было фразеологически связанным (двойственное и множественное число их сохранялось только в сложных числительных). Вывод: «происходит ослабление выраженности грамматического числа», которое (ослабление) «состоит в постепенном затухании корреляций единственного — двойственного — множественного чисел у числительных» (стр. 44). Здесь же и несколько отличное заключение: «Правда, формы числительных еще

связывались с тем или иным числом, но из-за отсутствия соотносительности с другими числами значение грамматического числа и здесь уже бесспорно ослабляется» (стр. 44). Отличие старославянских числительных от других имен относительно грамматической категории числа заключается в том, что нечислительные имена изменялись по числам, а числительные имели число. Эта особенность, таким образом, аналогична различию, которое выявляют относительно категории рода существительные и прилагательные, например, в современном русском языке: вторые изменяются по родам, а первые только имеют род. Указанное различие существительных и прилагательных признается одной из существеннейших грамматических особенностей этих частей речи. По-видимому, нечто подобное можно сказать и о старославянских числительных: их объединяет, отличая от других частей речи, по крайней мере одна весьма существенная грамматическая черта.

Однако вопрос этим не исчерпывается. Грамматическая категория может существовать только в корреляциях, в противопоставлениях. Нет языков, имеющих лишь один падеж, один род, одно число и т. д. Таким образом, чтобы признать, что, например, числительное *дѣва* имело категорию числа, нужно убедиться, что его двойственное число было противопоставлено какой-либо форме (формам) единственного или множественного (или того и другого) числа.

Само числительное *дѣва*, как уже отмечалось, имело форму только одного числа двойственного. Однако корреляция грамматической категории вовсе не обязательно должна осуществляться внутри форм одного слова. Коррелировать могут разные слова, например та же категория рода в русских существительных реализуется в противопоставлениях типа *брат—сестра*, *дуб—береза*.

Где же искать недостающие члены числовой корреляции для старославянских числительных?

Возможны два предположения: 1) корреляции грамматического числа осуществлялись внутри числового ряда: пять и др. (единственное число) — *дѣва* и *оба* (двойственное число) — *трие* и *четыре* (множественное число); 2) числительные коррелировали по грамматическому числу со словами других частей речи, морфологически с ними сходными, и, таким образом, числительные пять и др. должны рассматриваться как своеобразные *singularia tantum* внутри имен существительных, а *дѣва—оба* и *трие—четыре*—как своеобразные *dualia* и *pluralia tantum* внутри имен прилагательных (или местоимений).

Первое из этих двух предположений сразу же отпадает. Достаточно отметить, не говоря о прочем, что если бы внутри числового ряда установилась корреляция числительных по грамматическому числу, то это привело бы к очень существенной перестройке числительных, изменило бы все направление их развития. А такой перестройки в числительных, как известно, не произошло. Остается второе предположение, которое столь же трудно отвергнуть, как и доказать.

Возможно, что корреляции не было и здесь. Это более вероятно для числительных *дѣва*, *оба*, *трие* и *четыре*, так как родоизменяемые формы иных частей речи в старославянском языке как будто бы не имели *pluralia tantum*. Отсутствие корреляции означает, что числительные в старославянском языке вообще не имели категории и грамматического числа, а имели только морфологические формы числа, то есть аналогичные окончания в других словах выражали грамматическое число, а в числительных —нет.

Итак, если числовая корреляция числительных со словами иных частей речи в старославянском языке отсутствовала, то это означает, что старославянские числительные вообще не имели грамматической категории числа. Если же такая корреляция существовала, то грамматическая категория числа у числительных была, однако проявлялась это по-особому, отлично от других частей речи.

В обоих случаях мы имеем дело с важной грамматической особенностью. В обоих случаях вряд ли можно говорить о согласовании числительных *дѣва*, *трие* и *четыре* с существительными в числе (стр. 63, 64), пусть даже о согласовании специфическом (стр. 18, прим. 11; стр. 62). Согласование — выбор требуемой формы из нескольких. А выбирать было не из чего: названные числительные имели только одну числовую форму.

Интерпретируя сочетания типа *дѣва брата*, автор совершенно верно замечает: «число существительного определялось лексическим значением числительного: при 2 — всегда двойственное, при 3 и 4 — всегда множественное» (стр. 18). Но согласование по числу на этом и кончалось, оно не было взаимным. В сочетаниях типа *дѣва брата* двойственное число числительного определялось тем же его лексическим значением, а вовсе не формой существительного. Поэтому в подобных сочетаниях в старославянском числительное согласовывалось с существительным в падеже и роде, но не в числе.

Числительные *дѣва*, *оба*, *трие*, *четыре* выявляют заметные отличия от других частей речи не только относительно категории числа (см. выше). Если старославянские числительные пять и далее все исследователи довольно единодушно относят к существительным, то относительно числительных *дѣва—четыре* такого единодушия не наблюдается: их относят или к прилагательным, или к местоимениям. Ср. в рецензируемом исследовании: «Вообще же «числительное» *дѣва* является местоимением или прилагательным» (стр. 82).

Действительно, числительные *трие* и *четыре* по своим синтаксическим свойствам (согласование с существительными в падеже и роде) принадлежат к прилагательным, по своим морфологическим свойствам (тип парадигмы) они — существительные, хотя и изменяются по родам, правда только в именительном падеже. По семантическим же чертам, если уж отказывать им в числительной самостоятельности, они ближе всего к местоимениям, что хорошо показано в исследовании А. Е. Супруна.

Числительные же *дѣва* и *оба* вообще сводимы к местоимениям (ср. их парадигму особенно форму дательного-творительного *дѣвѣма*, *обѣма*), к прилагательным их зачисляют преимущественно по лингвистической традиции. При этом нужно подчеркнуть, что в старославянском языке родоизменяемые местоимения нельзя, в отличие, например, от русского языка, свести к одной части речи с прилагательными.

В русском языке группу слов, которая — если отвлечься от частных — имеет синтаксические свойства глагола и морфологические свойства наречия, принято выделять в отдельную часть речи, категорию состояния. Нельзя ли возвести в ранг части речи и старославянские числительные *трие* и *четыре*, с ними и *дѣва*, *оба*?

Если признавать часть речи классом слов, грамматически в достаточной мере отличающимся от других классов слов, и не считать обязательным наличие всех грамматических характеристик, присущих данной части речи в современном языке (языках), то это можно сделать. Все четыре названных числительных в старославянском языке, например, изменялись по родам, а в современных славянских языках они как правило вообще не имеют рода, только числительное *дѣва* упорно не хочет терять своих родовых форм. Но это является доказательством не столько того, что эти числительные в старославянском языке не составляли отдельной части речи, сколько того, что старославянские числительные грамматически отличались от современных славянских числительных.

По-видимому, для старославянского принципиально допустима такая интерпретация числительных: 1) слова *дѣва*, *оба*, *трие* и *четыре* составляют отдельную часть речи — имя числительное; 2) слова *пять* — *девять* приближаются к этой части речи, оставаясь еще существительными (ср., помимо прочего, их синтаксическую специфику, описанную А. Е. Супруном); 3) слова *десять* и *съто* выявляют лишь слабые признаки того, что они — не совсем обычные существительные.

Весьма существенные позднейшие процессы в числительных могут поясняться не оформлением их в отдельную часть речи, а дооформлением этой части речи, тем, что

внутри одной части речи, после вхождения в нее слов *пять* и след., столкнулись грамматически весьма различные слова (родоизменяемые и неродоизменяемые слова, слова с разными парадигмами).

Количественное возрастание этой части речи шло по числовому ряду, от меньшего к большему, только название единицы осталось за пределами этого процесса. Ведь и сейчас продолжается этот процесс. В современном русском языке приобретает черты числительного существительное *тысяча*. Очевидно, не вечно будут оставаться существительными и названия больших чисел – *м и л л и о н*, *м и л л и а р д* и т. д. Космическая эпоха введет в класс числительных и названия астрономических чисел.

Подобное понимание состояния числительных в старославянском языке не совсем согласуется с одним общим выводом А. Е. Супруна: «Старославянский языковой материал убедительно показывает, что именно у сложных и составных числительных стали прежде всего вырабатываться некоторые черты, свидетельствующие о первых шагах к становлению числительных особой частью речи» (стр. 97).

Этот вывод, как и все иные положения рецензируемой книги, весьма тщательно аргументирован. Однако он все равно вызывает сомнения. Сомнения эти покоятся на следующих основаниях: 1) старославянские памятники сохранили лишь небольшой «кусочек» некогда живого языка, все же языковые процессы, разумеется, проходили именно в живом языке, а не в памятниках, памятники только отражали эти процессы (или не отражали их); 2) простые числительные, названия чисел первого десятка были в старославянском языке, несомненно, более употребительными, статистически более влиятельными, чем сложные и составные числительные. Способность слова воздействовать на другие слова прямо пропорциональна его частоте. Таким образом, и логически, и статистически названия чисел первого десятка были в старославянском языке центром группы числительных, а сложные и составные числительные – их периферией. Вряд ли первые шаги к становлению новой части речи были сделаны не в центре, а на периферии; 3) если принять рассматриваемый вывод, то следует признать (это вытекает из его сути), что в процессе формирования числительных как части речи, по крайней мере в начальный период, ведущими оказались синтагматические отношения, а не парадигматические.

Свойства составных старославянских числительных к тому же легче интерпретируются, если их понимать как сочетания типа совр. русск. *восемь и пять*, а не как русские числительные типа *двадцать пять*.

Конечно, процессы в сложных и составных числительных сыграли важную роль в дальнейшем развитии числительных как особой части речи. Но не эти процессы были первичными в грамматическом обособлении числительных, они вообще не были ведущими, определяющими.

Изложенное в этой рецензии понимание старославянских числительных частично отличается от того, которое представлено в исследовании А. Е. Супруна. Оно нуждается в дальнейшем развитии и уж конечно нисколько не отрицает достоинств рецензируемой книги. Старославянские числительные изучались мало, сравнительно с другими частями речи, особенно существительными и глаголами, им не повезло. Поэтому здесь осталось много неясного. И книга А. Е. Супруна устраняет из данной области немало неясностей, восполняет существенный пробел в знаниях о старославянском языке. Поэтому она вполне может быть квалифицирована как заметное и отрадное явление в отечественной славистике. Книга эта полезна для студентов и преподавателей филологических факультетов вузов, для всех, кто интересуется славистикой и числительными.